

ТЁМНЫЙ ЛЕС

Граница Ужаса

ЭРИК НОКС

Эрик Нокс

Тёмный лес: граница ужаса

<https://litres.ru/74493434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Медвежий Угол-глухой поселок, где цивилизация уступает место первобытной тьме. Тёмный лес, нависающий над домами, по ночам издает гипнотический шепот. Легенды гласят: кто переступит черту деревьев после заката, уже не вернется. Год назад чаща поглотила подростка, оставив на память лишь следы огромных когтей на коре.

16-летний Марк переезжает сюда из мегаполиса. Его отец-инженер не верит в байки, и семья селится в доме на границе с чащей. Но в первое же утро Марк понимает, что местные сказки-правда. На окне второго этажа он находит жуткий отпечаток нечеловеческой лапы с длинными когтями. А на свежем снегу у забора-цепочку тяжелых шагов.

Тёмный лес уже знает его имя. Сможет ли Марк разгадать тайну древнего ужаса, прежде чем граница между домом и чащей исчезнет навсегда?

Содержание

Глава 1: Первый день на новом месте

4

Глава 2: Дорога через лес

10

Эрик Нокс

Тёмный лес: граница ужаса

Глава 1: Первый день на новом месте

Будильник взорвался мерзким, пронзительным пищанием ровно в 6:30, вонзаясь в сонный мозг, как ржавая игла. Я резко сел на кровати, тяжело дыша и вглядываясь в крошечную, непроницаемую тьму. В моей новой комнате не было ни отблеска уличных фонарей, ни света от проезжающих ма-

шин. Только сплошная черная стена за окном. Наш дом, пахнувший свежей краской и нераспакованными картонными коробками, стоял на самой границе с Тёмным лесом. Казалось, протяни руку сквозь форточку — и коснешься влажных, холодных ветвей, которые всю ночь скреблись о сайдинг.

Привет. Меня зовут Марк Ветров. И это мой первый день в школе на новом месте.

Неделю назад моя жизнь разделилась на «до» и «после». Мы переехали из шумного мегаполиса в этот крошечный, забытый богом поселок с очаровательным названием Медвежий Угол. Мой отец — инженер-технолог высшей категории, человек железобетонной логики. Когда компании понадобился руководитель для восстановления старой буровой станции на краю поселка, он согласился не раздумывая. Отцу было плевать на глушь, отсутствие интернета и перешептывания местных жителей. А местные шептались постоянно. Вчера в единственном на весь поселок магазинчике сидящая продавщица, пробивая мне колу, наклонилась через прилавок и посоветовала наглухо закрывать окна. «Особенно те, что смотрят на лес, парень, — прохрипела она, нервно оглядываясь. — Лес живой. И по ночам он зовет. Тот, кто переступит черту деревьев после заката, обратно уже не выйдет». Отец тогда лишь снисходительно усмехнулся, назвав это «дремучими суевериями от скуки». Но мне было не до смеха. Продавщица рассказала мне то, о чем здесь знали все.

Ровно год назад шестнадцатилетний Денис, местный ху-

лиган, решил доказать друзьям, что Тёмный лес — это просто деревья и грязь. На спор он вызвался зайти в чащу в полночь. Друзья остались стоять у покосившегося забора с фонариками, освещая ему путь. Денис смеялся, хрустел сухими ветками, пока не отошел на тридцать метров. А потом лес внезапно затих. Исчезли звуки ночных птиц, пропал шум ветра. Наступила мертвая, вакуумная тишина. Друзья направили лучи света вслед парню и увидели нечто, от чего у них заледенела кровь. Среди сосен стоял силуэт. Неестественно высокий, около трех метров, болезненно худой, с конечностями, изломанными под неправильными углами, словно сухие ветви. Существо обернулось к свету, и в ту же секунду все фонарики в руках подростков с треском лопнули. В наступившей тьме раздался влажный хруст ломающихся костей и короткий булькающий крик. Затем — только тяжелое дыхание и звук волочения чего-то тяжелого вглубь чащи. Полиция не нашла Дениса. Ищейки отказывались идти в лес, скуля от ужаса. Все, что осталось от парня — разорванный кроссовок у корней старой ели. А на самом стволе, на высоте трех метров, зияли глубокие следы гигантских когтей, вспоровших древесину.

Я поежился, отгоняя жуткие образы, натянул джинсы с толстовкой и, ступая босыми ногами по ледяному полу, побрел в ванную. Включил воду, подставив ладони под ледяную струю. Плеснул в лицо, пытаюсь смыть наваждение. Это просто лес. Папа прав, это просто чертовы байки.

Внезапно снизу, с кухни, раздался голос мамы. В тишине спящего дома он прозвучал слишком громко: — Марк! Иди скорее кушать, каша остывает! Тебе выходить через двадцать минут! — Иду! — крикнул я, вытирая лицо полотенцем. Выйдя из ванной, я направился к лестнице на первый этаж. В самом конце коридора располагалось высокое узкое окно, выходящее прямо на стену деревьев. Я сделал шаг к ступеням, когда сзади раздался звук. Тук-тук-тук. Резкий. Сухой. Костяной. Будто кто-то постучал по стеклу снаружи оголенным суставом. Я замер. Дыхание перехватило, спина мгновенно покрылась холодной испариной. Мы на втором этаже. Под окном нет ни балкона, ни карниза. Отвесная стена. Медленно, преодолевая животный, первобытный ужас, я обернулся. За стеклом клубилась синеватая предрассветная мгла. Пустота. Никого. Я судорожно выдохнул, убеждая себя, что это просто ветка, которую швырнул ветер. Сделал осторожный шаг к окну, вглядываясь в покрытое изморозью стекло. И мое сердце пропустило удар. На внешней стороне подоконника, на толстом слое свежего ночного инея, отчетливо виднелся след. Огромный, в два раза больше мужской ладони. Похожий на птичью лапу, но с пятью несоразмерно длинными, узловатыми пальцами. Существо вцепилось в подоконник так сильно, что на самом стекле и пластике рамы остались глубокие борозды от острых когтей. Точно такие же, как в истории про исчезнувшего Дениса. То, что стояло снаружи, пыталось заглянуть внутрь. Желудок скрутило

спазмом. Я отшатнулся, едва не споткнувшись о ковер, и кубарем бросился вниз по ступеням, подальше от этого невыносимого зрелища. Я влетел на кухню. Здесь горел яркий люминесцентный свет, пахло кофе и овсянкой. Мама стояла у плиты в пушистом халате, привычно ворча: — Что так долго? Садись быстрее, первый день в школе, а ты уже опаздываешь. Отец уехал на станцию еще час назад. Слова застряли у меня в пересохшем горле. Я посмотрел на неё, потом перевел взгляд на кухонное окно над раковиной, которое выходило во двор. И то, что я увидел там, лишило меня последних крупиц надежды на логичное объяснение. На сером, грязном снегу, в тусклом свете уличного фонаря, темнела цепочка свежих следов. Тяжелые, ломаные шаги тянулись из самой чащи леса прямо к нашему сетчатому забору, пересекали двор и обрывались на стене ровно под окном моей спальни.

Я молча сел за стол. Ровно шестнадцать минут я механически жевал безвкусную кашу, не сводя остекленевшего взгляда с окна. За ним неподвижно стоял Тёмный лес. Он словно смотрел на меня в ответ тысячами невидимых глаз. Я проглотил последнюю ложку, бросил тарелку в раковину, натянул в коридоре куртку и закинул рюкзак на плечо. — Удаchi, сынок! — донеслось с кухни. Я повернул замок и толкнул тяжелую дверь. На улице царил крошечный мрак. Ледяной лесной ветер мгновенно ударил в лицо, забираясь под одежду запахом гнилой земли. Я сделал первый шаг навстречу

новой школе и тьме, точно зная: древнее существо за чертой
деревьев уже знает мое имя. И оно ждет.

Глава 2: Дорога через лес

Глава 2: Дорога через лес

Короткий путь до школы лежал через просеку-узкую, едва натопанную тропу, прорубленную по самой окраине Тёмного леса. Местные, судя по всему, старались ходить здесь только днем, но сейчас, в начале восьмого утра, солнце даже не думало вставать. Небо над Медвежьим Углом висело тяжелым свинцовым пологом, и казалось, что мрак буквально сочится из-под корней гигантских, укрытых снегом елей.

Я шагнул под своды деревьев, плотнее натягивая капюшон и пряча замерзшие руки в карманы куртки. После яркого света столичных улиц, где ночь всегда разбавлена нео-

ном и фарами машин, эта темнота казалась почти осязаемой. Она давила на плечи, забиралась под одежду. Воздух здесь был совершенно другим-густым, обжигающе ледяным и пахнущим старой, промерзшей хвоей, сырой корой и чем-то неуловимо гнилостным, словно земля под снегом давно умерла.

Тропинка едва угадывалась в сером полумраке, петляя между массивными стволами, похожими на колонны разрушенного храма. Вокруг стояла гнетущая, нездоровая тишина. Ни шороха ветра в кронах, ни утреннего пения птиц, ни далекого лая деревенских собак. Лес словно вымер. Только оглушительный, ритмичный скрип моих собственных ботинок по твердому насту нарушал это мертвое оцепенение.

Каждый шаг отдавался в ушах набатом. Я глубже спрятал подбородок в воротник, чувствуя, как от влажного дыхания ворс покрывается мелкими льдинками. Старался смотреть только себе под ноги, на серую полосу утоптанного снега. Главное-не смотреть в чащу. Главное-просто переставлять ноги и думать о чем угодно: о физике, о забытых в городе друзьях, о дурацкой отцовской командировке. Но память, как назло, раз за разом подкидывала картинку исполинского пятипалого следа на стекле.

И тут я услышал это.

Далеко позади, в самой глубине чернеющих стволов, раздался звук.

Хрусь.

Словно кто-то невероятно тяжелый наступил на сухую, толстую ветку, спрятанную под снегом. Я замер на полушаге. Мое дыхание густым облачком пара повисло в неподвижном воздухе. На секунду мозг попытался подсунуть логичное объяснение: это просто эхо. Или старое дерево треснуло от сильного мороза. Так бывает. Отец говорил, что при минус двадцати стволы могут «стрелять».

Я сглотнул вязкую слюну и сделал еще два быстрых шага.
Хрусь. Хрясь.

Звук повторился. Только теперь он звучал не сзади, а немного сбоку, уходя вправо, двигаясь параллельно моей тропинке. Тот, кто шел там, во тьме, даже не думал скрываться. Шаги были грузными, размеренными и пугающе широкими. Ветка не просто ломалась — она с треском разлеталась в щепки под чудовищным весом.

«Бродячая собака,-мысленно сказал я, чувствуя, как потеют ладони внутри перчаток. -Крупная собака. Или лось. Тут ведь водятся лоси?»

Я резко ускорил шаг. Невидимый преследователь по ту сторону невидимой стены деревьев тоже пошел быстрее.

Хрясь. Хрусь.

Звук неумолимо приближался, сокращая дистанцию, забирая всё правее, словно отрезая мне путь к спасительному выходу, к улицам деревни. Земля под ногами едва заметно вздрагивала от этих ударов.

Паника, первобытная, неконтролируемая, ледяной змеей

скользнула по позвоночнику. Я перешел на быстрый, сбивчивый шаг, спотыкаясь о скрытые под снегом корни, почти срываясь на бег.

И внезапно всё стихло.

Лес словно выключили рубильником. Пропал хруст ломающихся веток. Пропал скрип чужого снега. Тишина стала настолько плотной, давящей, что у меня начало болезненно закладывать уши, как при резком наборе высоты. Я остановился как вкопанный, боясь сделать даже крошечный вдох. В этой звенящей, неестественной пустоте мое собственное хриплое дыхание казалось невыносимо громким, выдающим меня с головой.

Я судорожно вглядывался в сплошную стену деревьев в каких-то десяти метрах от меня, пытаюсь разглядеть хоть один силуэт сквозь сизую утреннюю мглу. Но там была только тьма.

Прошла долгая, бесконечная секунда. Вторая.

И тут из чащи вырвался звук. Это не было похоже на крик животного, на рев медведя или лося. Это был утробный, низкий, вибрирующий рык, переходящий во влажное клокотание, от которого завибрировали ребра в грудной клетке.

В ту же долю секунды из-за деревьев прямо на меня обрушилась лавина шагов-уже не скрытных, а яростных, слепых, сметающих всё на своем пути. Затрещали молодые сосны, с оглушительным хрустом ломался кустарник. Оно рванулось ко мне, пробивая себе дорогу напролом.

Я не помню, как сорвался с места. Тело сработало на чистом животном инстинкте выживания, отключив разум. Я бежал так, как никогда в жизни, не разбирая дороги, задыхаясь от обжигающего мороза, который резал горло изнутри. Рюкзак нещадно колотил по спине, оттягивая плечи назад. Подошвы скользили на обледенелых участках тропы, я несколько раз опасно кренился в сторону, но чудом удерживал равновесие. Я не смел оглянуться. Треск ломающихся деревьев за спиной превратился в сплошной, нарастающий гул. Оно настигало меня. Расстояние сокращалось с каждым моим вдохом.

Впереди, сквозь пелену слезящихся от ледяного ветра глаз, мелькнуло спасительное желтое пятно. Свет! Конец просеки!

Я вылетел из-под свода деревьев на асфальтированную дорогу, едва не споткнувшись о заметенный бордюр, и по инерции, размахивая руками, промчался еще метров пятьдесят. Ботинки заскользили по раскатанному льду, я потерял равновесие и с глухим стуком врезался плечом в холодную металлическую стену.

Это был местный магазинчик «Продукты 24». Под его козырьком тускло, раздражающе мигая, но спасительно тепло горела дешевая люминесцентная лампа.

Я сполз по ребристой обшивке стены на корточки, упираясь ладонями в грязный снег. Жадно, со свистом глотал воздух, чувствуя вкус крови во рту. Легкие горели адским ог-

нем, ноги тряслись мелкой, неудержимой дрожью, отказываясь держать вес тела.

— Твою мать... — сипло выдавил я, не узнавая собственный сорванный голос. — Какого черта... Что это за чертовщина?!

Я сплюнул на снег тягучую слюну, пытаюсь унять колотящееся о ребра сердце. Какой, к дьяволу, медведь бегает на двух ногах с такой скоростью? Какое животное оставляет косяные отметины на окнах второго этажа?

Я медленно, преодолевая ужас, поднял взгляд в сторону просеки, откуда только что выбежал. Там, за освещенным кругом желтого фонаря, стояла лишь непроглядная, глухая тьма. Ни звука. Ни хруста. Лес не выпустил свою тварь на свет. Оно остановилось у самой границы, прямо там, где заканчивалась тень деревьев и начинался свет цивилизации. Я буквально кожей чувствовал, что оно стоит там прямо сейчас и смотрит мне вслед.

Минут десять я просто сидел на заснеженном крыльце магазина, прижавшись спиной к металлической стене, пока пульс не пришел в норму, а мороз не заставил зубы выбивать дробь. Наконец, опираясь о стену, я заставил себя подняться на ватные ноги. Отряхнул джинсы от снега, поправил лямку рюкзака. До школы оставалось совсем немного пути — два квартала по освещенной центральной улице, где уже начали появляться редкие прохожие.

Я шел, постоянно оглядываясь через плечо, вздрагивая

от каждого звука проезжающей мимо старой "Нивы". На встречу попадались такие же школьники — сонные, закутанные в шарфы дети с яркими рюкзаками. Они шли группами, смеялись, пинали куски льда. Никто из них не выглядел так, будто только что сбежал из фильма ужасов. Их нормальность казалась мне дикой, инопланетной. Как они могут здесь жить?

Школа оказалась типичным трехэтажным зданием из облезлого красного кирпича, с массивным крыльцом и тяжелыми деревянными дверями, обитыми дерматином. Стоило мне потянуть на себя тугую ручку и переступить порог, как меня буквально оглушило.

После мертвой, хищной тишины леса и давящего страха улицы, здешний первобытный школьный шум казался величайшим спасением на земле. Коридоры гудели, как растревоженный улей. Кто-то с топотом носился по бетонным лестницам, с оглушительным треском хлопали двери кабинетов, пахло мокрой шерстью курток, нагретой краской батарей, хлоркой и сдобными булками из столовой.

Прямо у входа, возле решетчатого гардероба, разворачивалась локальная драма. Рослый девятиклассник в растянutom свитере высоко поднял над головой чей-то изрисованный черным маркером рюкзак, лениво и издевательски уворачиваясь от прыжков невысокого пацана.

— Отдай портфель, придурок! — вопил мелкий, отчаянно пытаясь дотянуться до лямки, лицо его шло красными

пятнами от обиды. — Там реферат по истории, географичка меня убьет! — А ты подпрыгни, гном! Или табуретку из столовки принеси! — ржал дылда, делая самодовольный шаг назад и красуясь перед хихикающими девчонками у окна.

Он был так увлечен своим дешевым триумфом, что совершенно не заметил стоящее позади желтое пластиковое ведро уборщицы, до краев наполненное мыльной водой. В следующую секунду его пятка угодила прямо в пену. Парень нелепо взмахнул руками, как сломанная ветряная мельница, портфель улетел куда-то в заросли огромного школьного фикуса в кадке, а сам хулиган с оглушительным грохотом рухнул на спину, щедро окатив себя и половину коридора грязной водой.

Вокруг мгновенно взорвался дикий, безжалостный хохот. Выскочившая из-за угла тучная уборщица со шваброй наперевес добавила сцене неповторимого колорита, начав орать так, что, казалось, задрожали оконные стекла.

Я невольно усмехнулся, чувствуя, как сводит замерзшие мышцы лица. Этот нелепый, громкий, абсолютно живой хаос окончательно вытеснил из головы липкий страх утреннего леса. Монстры не прячутся там, где уборщицы гоняют старшеклассников мокрой тряпкой.

Сдав куртку в шумную, толкающуюся локтями раздевалку и переобувшись в легкие кроссовки, я отправился искать свой класс. Ориентироваться оказалось на удивление просто: над каждой массивной деревянной дверью висела круп-

ная белая табличка с цифрой и буквой. Мой новый класс располагался на самом верхнем, третьем этаже, в самом конце длинного коридора, куда почти не доставал утренний свет из окон.

Когда я подошел к нужной двери, приоткрыл ее и шагнул внутрь, на меня обрушилась звуковая волна. Класс стоял на ушах. Летали скомканные бумажки, кто-то сидел прямо на партах, болтая ногами, с задних рядов громко играла музыка из дешевого динамика телефона. Учительница — грузная женщина в строгом сером костюме и с высокой, залакированной прической — стояла у стола и с силой била массивной деревянной указкой по стопке учебников.

— А ну тихо! Я кому сказала, рты закрыли и быстро сели по местам! — кричала она резким, срывающимся голосом, перекрывая гул.

Ученики начали нехотя, с протяжными вздохами расползаться по своим местам, гул стих до недовольного, змеиного шепота. Учительница тяжело выдохнула, поправила съехавшие на кончик носа очки, и тут её строгий, колющий взгляд наткнулся на меня. Я так и стоял на пороге, сжимая лямку рюкзака.

— А ты еще кто такой? — громко, на весь класс спросила она. Тридцать пар глаз мгновенно развернулись в мою сторону. Шепот оборвался. Тишина стала абсолютной, тяжелой, оценивающей. Я физически почувствовал, как меня сканируют с ног до головы, разбирая на детали: городские крос-

совки, чистую толстовку, растерянный вид. — Я недавно перевелся. Ветров Марк, — стараясь звучать уверенно, но чувствуя предательскую дрожь в голосе, ответил я под прицелом этих чужих взглядов.

Женщина нахмурила густые брови, опустила глаза в раскрытый классный журнал, водя ногтем по длинному списку фамилий. — Ага... — протянула она почти строго, словно найдя то, что искала. — Ветров. Заходи давай, не стой на проходе, сквозняк пускаешь. Занимай любое свободное место.

Я окинул взглядом ряды обшарпанных парт. Я заметил пустой уголок — свободную парту в самом конце среднего ряда, прямо у окна. «Буду сидеть один, так безопаснее», — подумал я и, стараясь не привлекать лишнего внимания и не встречаться ни с кем глазами, прошел в конец класса.

Скинув рюкзак на скрипучий деревянный стул, я выложил на стол учебник, тетрадь и пенал. До звонка оставалось еще пара минут тягостного ожидания. Чтобы хоть чем-то занять всё еще подрагивающие после утреннего забега руки и спрятаться от косых взглядов новых одноклассников, я открыл последнюю страницу черновика, достал простой карандаш и начал машинально штриховать белую бумагу.

Линии ложились сами собой, повинаясь тревожной, въевшейся в подкорку памяти. Длинный, узловатый сустав. Тень под ним. Еще один сустав, вывернутый под неестественным углом. Острый, неестественно загнутый коготь, вонзающийся-

ся во что-то плотное. Я и сам не заметил, как полностью отключился от школьного шума и начал с маниакальной точностью переносить на бумагу тот самый жуткий пятипалый след со своего обледенелого утреннего окна.

Громко и пронзительно над дверью прозвенел звонок. Учительница с тяжелым вздохом поднялась из-за стола, открывая тему урока, но не успела она произнести и слова, как дверь кабинета с оглушительным грохотом распахнулась.

В класс влетела девчонка. Растрепанные русые волосы выбились из-под шапки, расстегнутая зимняя куртка болталась в руках, дыхание сбилось, а щеки пылали ярким румянцем от бега по морозу. — Извините за опоздание! — на одном дыхании выпалила она, виновато опуская глаза и переминаясь с ноги на ногу в проходе. — Смирнова, первый день в новой четверти, а ты уже бьешь все мыслимые рекорды! — возмутилась учительница, картинно всплеснув руками. — Быстро раздевайся и садись. Свободное место только на задней парте третьего ряда. Не задерживай урок!

Девчонка быстро закивала, бросила куртку на железный крючок у двери, скинула шапку и торопливыми, легкими шагами направилась в мою сторону. Поймав мой напряженный взгляд, она чуть удивленно приподняла брови — видимо, совершенно не ожидала увидеть на привычном пустом месте незнакомого чужака, — но промолчала и плюхнулась на соседний стул. Зашуршала потертым рюкзаком, торопливо вытаскивая тетради, учебник и ручки.

Учительница, наконец, отвернулась к зеленой доске, начав размашисто писать тему урока белым мелом. В этот момент соседка чуть наклонилась ко мне, сокращая дистанцию. — Привет, — зашептала она, с искренним, ничем не прикрытым любопытством разглядывая мое лицо. — Не видела тебя здесь раньше. Ты откуда свалился к нам в глушь? — Первый день здесь, — так же тихо ответил я, незаметно, но быстро прикрывая свой мрачный рисунок ладонью, чтобы она не увидела этот бред. — Из города переехали на днях. Отца по работе перевели.

Она понимающе кивнула, смахивая упавшую на глаза русую прядь волос. Спустя минуту, когда скрип мела по доске стал достаточно громким, чтобы надежно заглушить разговоры на задних партах, она смело протянула мне руку прямо под столешницей. — Я Алиса, — тепло улыбнулась она.

В её голосе не было ни капли той скрытой враждебности или колючей настороженности, с которой меня встретил остальной класс. Просто обычная, нормальная девчонка, которой скучно на первом уроке.

Я, немного помедлив, ответил на быстрое, теплое рукопожатие. — Марк.

Она удовлетворенно кивнула, отпустила мою руку, открыла свою тетрадь в клетку и сосредоточилась на доске, быстро и аккуратно записывая конспект. Урок начался.

Я смотрел на ровные формулы, появляющиеся на доске, слушал монотонный голос учительницы, и мне очень хоте-

лось поверить, что самое страшное уже позади. Но в глубине души я понимал: после школы мне придется возвращаться домой. Тем же самым путем.